

В академическом зале №21 развеска осталась неизменной: грандиозное полотно Семирадского «Фрина на празднике Посейдона в Элевсине», напротив него — триллер Смирнова «Смерть Нерона».

Картины Русского музея получили световую симфонию

В МИХАЙЛОВСКОМ ДВОРЦЕ ЗАВЕРШИЛИ РЕСТАВРАЦИЮ И РЕКОНСТРУКЦИЮ 11 ЗАЛОВ ПЕРВОГО ЭТАЖА, ГДЕ В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА РАСПОЛАГАЛИСЬ ПОКОЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

Журналистов в музей пригласили в выходной день, так что можно было вволю полюбоваться знаковыми со школьных времен картинами русских художников второй половины XIX века. «Будто в детство вернулись!» — говорили многие коллеги.

ВПРОЧЕМ, знакомые картины выглядят сейчас по-иному. В нескольких залах, окна которых выходят на север, всегда было темно. Многие картины, особенно в пасмурные дни, были похожи на «печные заслонки», сложно было разглядеть детали, оценить колорит, светотеневую моделировку и другие нюансы живописи. То ли дело сейчас, когда в пяти залах установленная точечная светодиодная система освещения. Под самым потолком словно вьется светящаяся лента. Кроме того, там закреплены лампы, которые можно направлять на картины, заливая их потоком света. В новом освещении есть нечто театральное. Картины, многие из которых тоже были отреставрированы, выглядят сияющими. Силу света можно регулировать, то уменьшая, то увеличивая. Получается этакая световая симфония, в которой каждой картине отведена своя партия.

По словам Владимира Леняшина, заведующего отделом русской живописи второй половины XIX — начала XX века, каждой картине нужно индивидуальное освещение: какой-то — прямой свет, другой — боковой. Обычно, делая экспозицию, бывает сложно достичь совершенства. Но новая система освещения позволяет представить все полотна в наиболее выигрышном свете.

Сотрудники музея перед открытием залов (с 18-го по 28-й) меняли экспозицию. «Возможно, это небольшие изменения, но для нас они существенны и важны», — заметил Владимир Алексеевич.

Например, в монотрафическом зале Ва-

Картины Марии Башкирцевой ранее никогда не присутствовали в постоянной экспозиции Русского музея.

силы Верещагина кроме известных его военных картин вроде трагической «Шипки-Шейново», в которой на засыпанной снегом, промерзшей земле лежат трупы русских и турецких солдат, представлены работы из русской серии. Картины «Внутренний вид церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского» (1888) и «Иконостас церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского» (1888) показываются впервые. Также выставлены некоторые картины из знаменитой японской серии Верещагина — «Шинтоистский храм в Никко» (1904) и «Прогулка в лодке» (1903 — 1904).

Одна из главных сенсаций — зал №28, где раньше экспонировались картины Константина Маковского. Сейчас там лишь несколько

его работ, в том числе «Петербургский дворик» и «Вдовушка», которые ранее находились в запасниках. К ним добавились полотна Марии Башкирцевой — удивительно одаренной художницы, умершей совсем молодой. Это «Молодая женщина с букетом сирени» (1881) и «Портрет молодой женщины» (1881), которые ранее никогда не присутствовали в постоянной экспозиции, и самая знаменитая ее картина «Девушка с зонтиком» (1883).

Зинаида АРСЕНЬЕВА Фото Натальи ЧАЙКИ

- Реставрация одиннадцати залов Михайловского дворца длилась полтора года.
- Отреставрировали живопись потолочных плафонов, выполненных в технике гризайль и полихромной темперно-клеевой живописи, лепные карнизы, воссоздали дубовый паркет.
- Общая стоимость работ составила 43,7 млн. рублей, в том числе реставрация живописи — 13,7 млн. рублей.

Дмитрий МЕСХИЕВ: Я сам жену не бил

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП» ПОБЫВАЛ НА ПРЕМЬЕРЕ ФИЛЬМА «БАТАЛЬОНЪ»

Дмитрий Месхиев выступил режиссером фильма.

Если бы фильм «Батальонъ» был несомненной... гилью, удержавшей залепухой, писать о нем было бы намного легче. Так было недавно со «Сталинградом» Федора Бондарчука: умерла так умерла. Обругаешь дряблый сюжет, посредственную актерскую игру и любовно-гламурно вылизанные сцены «войнушки» (вспомнить хоть горящих пехотинцев, идущих в атаку) — и все, в общем, ясно, ибо ничто не поднимается выше планочки. Но, как ни странно, подобное не срывает. А лучшим мейнстримом оказывается не тот, который покорно следует требованиям конъюнктуры, а тот, что осмеливается хоть как-то выкочить «за флажки».

В «Батальоне» Федор Бондарчук был продюсером. Режиссером выступил Дмитрий Месхиев, неровный и, во всяком случае, талантливый. Фильм именно поэтому вышел «нетеплохладным». И именно поэтому создает ощущение как раз крепкого мейнстрима «по-голливудски» — в нем смешаны в должной пропорции творческая смелость и умелое использование ремесленных канонов.

История Марии Бочкаревой (прекрасная роль актрисы Марии Ароновой), георгиевского кавалера, организатора женского «батальона смерти» в 1917 году, отправившегося на фронт Первой мировой вдохновлять разочарованных солдат, не смотрится скучной обязаловкой, и это уже само по себе чрезвычайное достижение для нашего, с позволения сказать, большого кино.

— Война — это абсолютный идиотизм. И женщина с войной совершенно не сочетается, ее туда может подтолкнуть только личное горе, — говорит исполнительница главной роли Мария Аронова. — Правильно — это когда есть рядом мужчина. И детки.

НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

— Сниматься было очень тяжело, — рассказала нам перед премьерой актриса Валерия Шкирандо, сыгравшая одну из главных ролей. — Тяжело бегать по песку, по косягу в полной солдатской амуниции. Сложно стрелять — я стреляла из пулемета максим, подавала своими белеными слабенькими ручками пулеметную ленту, все было изодрано и в крови. Ужасный звук от разрывающихся снарядов. Беруши нам вставлять было нельзя...

Вот эта грязная окопная правда тут действительно есть и выстреливает лучше, чем фантазийно-головкружительные батальные сцены, нарисованные при помощи компьютерной графики.

— Если мы снимаем кино про войну — так уж про войну. А у войны, как мы знаем, не женское лицо. И зритель поверит, только если будет похоже на правду, — сказал нам Дмитрий Месхиев.

И правда, похоже. Видны и холод, и сырость, и то, что окопы были построены на стоящие, по планам того времени (создатели особенно гордятся); и даже то, что не две армии сходятся в эпическом боище, а сотня перепуганных девушек пытается преодолеть свой страх перед огромными мужиками в немецкой форме. Они умирают одна за другой, а выжившие — не знают, что ждет их завтра. Любое убийство, попавшее в кадр, — страшно и отвратительно, а не достойно гордости; камера не смакует лживую героиню войны.

Это не Брехт, не антивоенное кино, но это по крайней мере более-менее честное военное кино, и хотя бы за это ему спасибо. Впрочем, Дмитрий Месхиев доказал умение говорить о войне своей удачной картиной 2004 года «Свои».

Если бы еще не ужасная симфоническая слезливо-сентиментальная музыка, настоящий бич нашего кинематографа — от фестивального «Левнафана» до массового «Батальона»... Но это не главная проблема фильма. Беда в том, что, будучи военным филь-

мом, «Батальонъ» не становится фильмом по-настоящему историческим — как, например, им стала картина «Жила-была одна баба» Андрея Смирнова, другое кино про судьбу женщины в России 1910-х годов.

Настоящее историческое кино — как раз то, чего катастрофически не хватает, и не хватает тем более, чем сильнее история у нас подменяется идеологией.

У НИХ НЕПРАВИЛЬНАЯ ПРАВДА

Символично, что официальное название фильма — «Батальонъ» — с буквой «ер» на конце. «Это просто написание «для стили», я бы сказал, — объяснил такой выбор режиссер. — С этим твердым знаком сразу понятно время». Такое отношение к истории кажется несколько наивным — как на вывесках магазинов сейчас пишут «ер» или «ятя», причем регулярно их путают, — если хотят создать смутное впечатление имперской старины. Впрочем, на пресс-конференции Дмитрий Месхиев вообще перечеркнул все рассуждения, заявив, что «снял фильм про любовь к Родине. Нужно защищать ее, любить свою страну».

А подробного киноразмещения о том, что произошло сто лет назад, какую именно Родину защищала Мария Бочкарева (уже не Российской империи? Еще не Советский Союз?), — этого в фильме нет. Есть карикатурные революционные матросы, есть деморализованные мужики-солдаты с красными бантиками, которые сперва за Бочкаревой не идут, а потом все-таки проникаются ее правым делом и помогают. Их мотивацию Месхиев объяснил:

— Когда солдат говорит офицеру, герою Дятлова: «Наши бабы дома сидят, нас дождаются», он же искренен. Это железная логика крестьянина. «Есть моя земля, моя се-

мья. Это и есть моя родина». А более глобальное, целостное понимание — к нему же надо прийти. Я старался показать так, что у них была своя правда. Она неправильная. Но своя.

«Неправильная правда» — это не слишком удовлетворительный комментарий к эпохе, когда как раз и решалась судьба этих крестьян, их семей, их земли. Меньше чем через год (действие фильма происходит летом 1917-го) эти же герои выберут другую, новую страну для себя. А Мария Бочкарева, между прочим, отправится в США и обратится к президенту Вильсону с просьбой об интервенции против большевиков. То есть в жизни все окажется немного сложнее патриотических схем.

— Вы затрагиваете такую сложную тему... Нужно было бы сесть и час поговорить об этом. Тут очень неоднозначно. С одной стороны, мы понимаем порыв Бочкаревой. С другой — ну так же нельзя. А вот как можно — большой вопрос, — ответил мне на это Дмитрий Месхиев. — Понимаем, мы делали картину про конкретный бой. Если бы это была ЖЗЛ, тогда нужно было бы

показывать и поездку в Америку, и возвращение, и ее трагическую кончину.

Но кажется, что тут действовали не только драматургические требования, а еще и нежелание авторов связываться с такой неоднозначной историей. А может быть, именно такой фильм, по-настоящему показывающий разных людей с разными позициями, даже внутренне противоречивыми, был бы нужен именно сейчас, в новую эпоху раздоров внутри и вокруг российского общества.

— Про избивание и насилие в семье — это, знаете, такой тонкий и глубокий вопрос, — прокомментировал эту сцену Дмитрий Месхиев. — Не знаю, получилось ли показать, но они с мужем ведь при всем этом любят друг друга. Он ее бьет — и любит. Такое, к великому сожалению, случается. А остальные стоят вокруг и не вмешиваются, потому что это его семья и он сам в ней разбирается. Таковы были нравы. И наверное, нравы и сейчас таковы, потому что жизнь каждой семьи — это особая история. Сейчас тоже что-то подобное может случиться.

— И что же, по-вашему, сейчас тоже вмешиваться не надо? — Ну, мне сложно ответить. Я сам жену не бил. Но... — И тут режиссер отвлекся на другие вопросы.

Федор ДУШАН, фото Натальи ЧАЙКИ, Интерпресс и пресс-службы «Art Pictures Studio»